

МАРИЯ
ЗАЙЦЕВА

Торрент
МУЖА

Родственные связи

Мария Зайцева

Брат мужа

«автор»

2024

Зайцева М.

Брат мужа / М. Зайцева — «автор», 2024 — (Родственные связи)

Мой муж попал в беду, оказался на больничной койке, и мне пришлось забыть о себе, работая на двух работах и помогая ему проходить реабилитацию, чтоб вернуть любимого к жизни. Я знала, что справлюсь, должна справиться! Но время шло, и сил становилось все меньше. А долгов и проблем все больше. И я не знаю, что бы делала, но тут в нашей жизни появился брат моего мужа. Он помог. Вот только теперь мне страшно подумать, чем придется расплачиваться за его помощь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Зайцева

Брат Жениха

Глава 1

О том, что мой муж Сева попал в больницу, я узнала на третьем уроке.

Восьмой «Г» как раз переваривал информацию о том, что завтра у них будет тестирование, и в классе стояла относительная тишина. Очень относительная, конечно, потому что это восьмой «Г», а не «А» и даже не «Б», но я умудрилась впервые за все утро присесть за свой учительский стол, и теперь отдыхала, блаженно прислушиваясь к гудящим ногам.

Бдительности, впрочем, не теряла, периодически поглядывала на класс, прикидывая, как скоро придется снова вскакивать, потому что великовозрастные ученики любую мою попытку пропасть из поля зрения и заняться бумагами, тетрадками или планами воспринимали, как слабость и карт бланш для веселья одновременно.

Потому следовало четко поймать момент, когда веселье лишь набирало обороты, и жестко пресечь его чем-то неожиданным и в меру трагичным. Самостоятельной работой, например.

Именно так я и планировала поступить, потому что на ногах стоять уже сил не осталось. Вчера восемь уроков было, и все, мало того, что с новой темой, так еще и в среднем звене. А это значило, что не присядешь лишний раз, не выдохнешь. Словно белка в колесе крутишься, нарезаешь безостановочно круги по классу, между рядами, или у доски танцуешь. Театр одного актера и неблагодарных зрителей.

Потому сегодня у меня было что-то вроде отголоска, какой случается, когда спортом перезанимаешься, и на следующий день все мышцы тела ноют и болят.

Вот и я сидела, по обычной учительской привычке чутко реагируя на настроения в классе и умирая от удовольствия, потому что не на ногах наконец-то!

Телефон, внезапно высветившийся звонком с неизвестного номера, заставил досадливо нахмуриться. Последнее время мошенники донимали, причем, как раз в день аванса и зарплаты, и я настороженно относилась к непонятным абонентам.

Но, с другой стороны, это мог быть кто-то из родителей детей, а еще коллеги, да мало ли кто...

Телефон, поставленный на беззвучный, все горел и горел, и я, наконец, осмотрев для профилактики еще раз учеников, с огромным сожалением встала из-за стола и, выдав:

– Страница сорок пять, готовимся к опросу.

Вышла из кабинета.

Понятное дело, что никто там ни к чему готовиться не поспешил, но немного сдерживающих факторов не повредит.

– Слушаю, – наученная горьким опытом и многократными рекомендациями служб безопасности банков, безлично и строго бросила я в трубку.

– Леванская Арина Родионовна? – голос абонента был крайне официальным, и я, поздравив себя с еще одним мошенническим звонком в своей жизни, собралась было положить трубку, но следующая фраза заставила замереть, – оперуполномоченный лейтенант полиции Кислов вас беспокоит. Леванский Всеволод Викторович вам знаком?

– Да... Это мой муж... – голос почему-то плохо слушался, а ноги подрагивали. Это развод, конечно опять развод... Новый вид мошенничества... Говорили что-то про такое...

– Он сейчас в третьей клинической больнице, с сотрясением мозга и многочисленными травмами. Подъедете?

– Да... Да, конечно... Я сейчас приеду... – голос мне окончательно изменил и получился какой-то хрип, задушенный и тихий. И сердце замерло. А еще никак не выходило задать следующий вопрос... – Он... В сознании?

– Нет, но вам лучше об этом с врачом поговорить, – голос полицейского, усталый и спокойный, окончательно придавил к полу, и дышать стало мучительно сложно.

Я не смогла больше ничего сказать и спросить тоже. Просто отключила телефон, уцепилась за стену слабеющей рукой, потому что перед глазами внезапно потемнело. Выдохнула, собираясь с силами.

И пошла обратно в кабинет, передвигаясь, словно сомнамбула, никого и ничего не видя перед собой.

В голове вертелись обрывки мыслей о том, что надо предупредить завуча, и такси надо вызвать, и еще что-то такое же странное в этот момент, но я все никак не могла сообразить, что делать, за что хвататься в первую очередь.

Класс встретил бешеным гулом, и на мое появление сначала никакой реакции не последовало.

Но, видно, что-то с моим лицом было совсем страшное, потому что буквально через минуту в классе установилась гробовая тишина.

Я прошла к столу, положила телефон, взяла сумку, уронила ее, подняла, зачем-то принялась складывать туда тетрадки, потом вынимать... И все это – в полном молчании, под удивленными взглядами учеников.

– Арина Родионовна... – наконец тихонько, чуть ли не шепотом спросила Аля, одна из немногих, кто любил мой предмет, – что-то случилось?

И столько участия было в ее голосе, что я почему-то изменила собственному правилу не посвящать учеников в личные темы, и ответила честно:

– Муж... В больнице...

Озвученная вслух ужасная новость мгновенно обрела плотность и давящую густоту, и я не выдержала.

Сумка выпала из рук, а я бессильно опустилась на стул и закрыла лицо руками.

Севка... Боже мой, Севка... Что делать-то? Надо ехать, конечно надо...

Но урок... Боже, какой урок? Что за глупости? Надо... Надо предупредить... И такси...

Я не ждала поддержки от учеников, в конце концов, это восьмой «Г», от них только насмешек можно отхватить, просто в этот момент не смогла выдержать напряжения.

А через пару мгновений поняла, что я, оказывается, совсем ничего не понимала в детях. По крайней мере, в своих учениках – точно.

Потому что, пока я сидела в прострации, они развили бешеную деятельность.

Кто-то побежал за водой и таблетками к медсестре, кто-то – к завучу, чьи-то заботливые руки накидывали на плечи пиджак, убирали личные вещи с сумку.

А еще кто-то, настойчиво уточнив, куда надо ехать, вызвал со своего приложения такси.

И все это происходило рядом со мной, одновременно, как-то очень быстро и в тоже время не суматошно, а спокойно и деловито.

В итоге, я осознала себя идущей по коридору в сопровождении нескольких мальчиков и девочек из класса, они наперебой докладывали о результатах своих усилий:

– Вот, такси уже приехало, Арин Родионна, номер пять пять три.

– А Людмила Прокофьевна сказала, чтоб вы ехали, а нам сказала тихо в классе досидеть. И остальные классы сказала возьмет сегодня.

– А самостоятельную мы сделаем и на стол тетрадки положим, да, Арин Родионна?

– Вы не волнуйтесь, все хорошо будет... Вот я маленький был, в детском саду еще, головой ударился, тоже говорили сотряс... А я ничего...

– Так вот ты почему такой тупой! Падал в детстве! Я так и знала!

– Дура ты, Федотова... Попроси у меня еще списать...

– Да замолкните вы! Арин Родионна, не волнуйтесь, все нормально будет!

Этот многоголосый шум коконом обхватывал меня, поддерживая, не давая упасть, свалиться в бездну отчаяния.

Ребята под локти проводили меня к машине, несколько раз спросили, не поехать ли кому-нибудь со мной, но я не настолько потеряла голову, чтоб тащить в больницу несовершеннолетнего чужого ребенка, а потому через минуту осталась одна.

Тискала в пальцах сумочку, смотрела в окно и старательно не думала о том, что меня ждет в больнице.

Почему-то от той искренней заботы, которую неожиданно проявили мои, казалось бы, черствые ко всему на свете ученики, стало легче.

Может, я просто сильно перепугалась? Может, ничего критичного? Главное, что живой... С остальным справимся.

Кто бы знал, как я ошибалась в тот момент...

Глава 2

Пока ехала в такси, удалось немного собраться с силами и более-менее упорядочить мысли в голове, а потому в больнице очень быстро получилось узнать по фамилии мужа, где его искать, палату и врача, который был в приемном покое и осматривал Севу.

– К нему пока нельзя, – врач, замотанный в край пожилой мужчина, устало тер переносицу пальцами, – операцию сделали, в реанимации сейчас.

– В реанимации... – слово это было невероятно страшным, и мысли в голове жуткие закружились с бешеной скоростью, но врач тут же успокоил.

– После операции всех переводят туда, так что не стоит так сильно пугаться... Тем более, что по состоянию его еще прогнозы сложные...

– Что... У него?

– Разрыв селезенки, от удара в живот, очевидно, переломы рук со смещением, черепно-мозговая, – начал перечислять врач, – это если простым языком. Если еще более простым – его сильно избили. Так как характер травм криминальный, мы обязаны были поставить в известность полицию. Они, кстати, хотя и с вами пообщаться.

– Да... Но я сначала к Севе...

– Нельзя к нему, – терпеливо повторил врач, – потом, когда в терапию переведем.

– Но как же так? – я на минуту попыталась представить себе, как он там, один. Ему больно и плохо... И слезы опять побежали по щекам. – Он же один... Я должна поговорить, надо, чтоб он знал, что я здесь...

– Он сейчас ничего не поймет и не услышит, – сказал врач, – и до самого завтрашнего утра точно ничего не изменится, он в медикаментозной коме. Вы лучше пообщайтесь с полицией и езжайте домой. А завтра утром вернетесь. Отдохнувшей. Да и ситуация уже будет более ясной.

Он попрощался и ушел, а я... Я осталась стоять в коридоре, нелепо прижимая к груди сумку и почему-то глядя в его чуть поникшую спину, обтянутую медицинской курткой.

Одиночество и бессилие навалились с невероятной силой.

Я ощущала себя настолько ненужной и сейчас, что даже не могла поверить в случившееся.

Еще утром я готовила завтрак Севе, обсуждала с ним планы на вечер, на выходные, мы улыбались, шутили и долго, сладко целовались перед тем, как разойтись каждый на свою работу...

Буквально несколько часов назад я была полностью уверена в том, что случится вечером. И что произойдет завтра, послезавтра, строила планы на каникулы, на долгие летние месяцы...

И вот сейчас мой муж в реанимации, а я... А я даже не понимала, что делать. Чем ему помочь.

Такое чудовищное, жуткое бессилие!

Он там, а я тут...

Машинально обхватила себя руками, сжалась... И именно в таком состоянии меня и нашел сотрудник полиции.

– Арина Родионовна Леванская?

– Алина...

– Что, простите?

– Алина Родионовна... – не знаю, зачем я поправила его, наверно, просто по привычке, чтоб хоть что-то сказать, разбавить этот сгушающийся вокруг меня мрак.

Он кивнул, извинился.

И кратко изложил обстоятельства, при которых был найден мой муж.

Оказывается, на него напали в одной из квартир, которые он продавал, избили очень сильно...

На этом моменте я всхлипнула снова, зажала пальцами рот.

– Ему повезло, что хозяева квартиры вернулись раньше запланированного срока и нашли его, – продолжил лейтенант Кислов, – и повезло, что быстро приехала скорая. Я так понимаю, счет шел на минуты. И теперь я бы хотел задать вам несколько вопросов... Под протокол, Алина Родионовна. Вам придется потом еще приехать в полицию, но уже позже... Конечно, если вы сейчас не в состоянии, то можно и завтра... Просто надо это сделать как можно быстрее, чтоб мы могли начать полноценно искать тех, кто на него напал...

– Да, конечно, да-да...

Мы отошли в сторону, сели на лавочку, лейтенант достал бланки протоколов, принялся заполнять, задавать вопросы, на которые я отвечала машинально, даже не задумываясь. И честно, конечно же. Скрывать мне точно было нечего.

Нет, врагов не было.

Нет, в бизнесе не было никаких сложностей... Какие могут быть сложности у простого риелтора?

Нет, никто к нему личной неприязни не испытывал...

Нет, у нас нет материальных и имущественных сложностей... Кредит? Да, как у всех... Ипотека, машина в кредит... Детей нет. И родственников тоже нет... У меня родители далеко в деревне.

А у Севы только старший брат, которого он лет двадцать не видел... Нет, мы не имеем с ним связи, я даже не помню, как его зовут...

Нет, при себе ничего ценного Сева не носил... Как обычно: телефон, карточки, ключи. Все это есть в описи, то есть, люди, которые избili Севу, его не обокрали.

Лейтенант Кислов еще позадавал вопросы, на которые я стабильно отвечала в основном «нет». И сама все больше удивлялась, кому мог помешать мой безобидный Сева?

Мы тихо, спокойно жили, никому не делали зла, не вредили...

За что нам такое? Почему вдруг какие-то твари это сделали?

Кислов, наконец, понял, что от меня больше ничего не добьется, и отпустил с миром.

Ушел, предварительно попросив расписаться в протоколе опроса, а я осталась сидеть на лавочке в приемном покое и смотреть в одну точку.

Я совсем не понимала, что делать дальше. Куда идти.

Надо же что-то делать, да?

Куда-то идти?

Но проблема была в том, что я оказалась совершенно неподготовленной к такой ситуации, и просто растерялась.

Помимо душевной боли и переживаний из-за состояния Севы, про которое я не понимала ровным счетом ничего, кроме того, что все очень опасно и еще непредсказуемо, было совершенно неясно, каким образом мне поступать дальше.

О том, чтоб возвращаться на работу, речи не шло. Я не могла себе представить, как после всего случившегося просто захожу в класс и начинаю проводить урок.

Да и вообще, как отсюда, из больницы, уйти. А вдруг будет информация про состояние Севы?

Кроме этого, надо было сообщить, наверно, о случившемся на работу Севе? Или уже им позвонили из полиции?

А еще надо домой все же. Привезти Севе одежду, может, что-то нужно в реанимацию... Лекарства, еду...

От обилия глупых, беспорядочных мыслей пухла голова, и в итоге я позвонила единственному близкому человеку в этом городе, моей знакомой Эле.

Мы не то, чтоб были очень дружны, скорее общались, как приятельницы. У меня не было особенно много свободного времени на дружбу, а Эля, веселая разведенная девушка, мама дочери-подростка, любила погулять и развлечься.

Мы познакомились, когда я искала в интернете мастера по маникюру. Ее анкета была на одном из популярных сайтов. Я позвонила, договорилась, приехала... И как-то так получилось, что мы сразу же нашли общий язык.

Эля периодически бывала у нас в гостях, знала Севу, приглашала меня погулять или посидеть в кафе.

Я, на самом деле, ни на что не надеялась, когда звонила ей, просто хотелось услышать человеческий голос, хотелось, чтоб кто-то сказал, что все будет хорошо... Мне так важно было это слышать...

Но Эля удивила.

Услышав о моей беде, она тут же собралась и приехала в больницу.

Нашла меня, выпросила подробности, кивнула и пошла выяснять ситуацию.

А через пятнадцать минут я уже разговаривала с врачом, который оперировал Севу, слушала прогноз, неутешительный, даже не из-за внутренних травм, а из-за черепно-мозговой, потому что там что-то сдавило, и что-то повредилось... Я была в таком ступоре, что толком не поняла, что именно.

– Если придет в себя, будет уже отлично, – сказал врач, – не факт, что полностью восстановится, но появится надежда...

– Ну вот и хорошо, – сказала Эля, уже когда доктор попрощался с нами и ушел.

Мы медленно шли на выход, и я бессмысленно цеплялась одной рукой за сумку, а другой – за Элю, единственный мой якорь в этом безумии. – Давай домой, а завтра приедешь сюда. Ты знаешь, что надо с собой, да? Список есть? Дали?

– Да...

– Ну вот и хорошо. На работе возьми отпуск за свой счет. Деньги есть у тебя?

– Да... Мы на отпуск...

– Ну вот и хорошо... Нет, конечно, ничего хорошего, но не пустые карманы, это важно. Давай, я тебя довезу до дома.

Эля в самом деле добросила меня до дома, проводила даже до квартиры, но проходить отказалась, ссылаясь на занятость.

Я и не стала настаивать, хотя о том, что сейчас дверь закроется, и я останусь одна, думала с содроганием.

– Я вечером наберу тебе, поняла? – Эля обняла меня на пороге, – держись. Главное, что живой...

– Да... Да...

Дверь захлопнулась, и я осталась одна...

Совсем одна в нашей квартире. И нашей разрушенной жизни.

Глава 3

– Сева, нужно покушать... Давай, открывай рот... Вот так, вот так...

Я ворковала уже привычным за эти месяцы умильным голосом, призванным успокоить капризного ребенка, в которого превратился мой муж, и настроить его на нужный лад. Конкретно сейчас – заставить поесть без происшествий.

И пока что все шло хорошо.

Сева послушно открывал рот, глотал теплую, вязкую овсянку, даже не хмурился и не пытался выплюнуть все обратно, как уже не раз случалось.

Ободренная хорошим поведением мужа, я улыбнулась, а затем протянула ладонь и погладила его по щеке. Уже колючей, надо же, как быстро щетина отрастает...

Сева проглотил кашу и неожиданно легонько повел шеей, словно ловя ласку моей руки. Я замерла, вглядываясь с надеждой в спокойные, безмятежные глаза мужа, пытаюсь отыскать в них хотя бы тень осмысленности, хоть чуть-чуть осознания...

– Сева... – голос сел от волнения, пришлось судорожно откашливаться, – Севочка... Ты меня понимаешь? Милый... Ты слышишь меня?

Но муж смотрел на меня все с тем же бессмысленно-отстраненным выражением на лице, от которого мне уже хотелось кричать в голос.

Смотрел, смотрел, не моргая... А затем улыбнулся... И каша, которую, оказывается, он не проглотил, полилась обратно через приоткрытые губы...

Я охнула, принялась поспешно вытирать испачканное лицо, опять возвращаясь к прежнему лицемерному воркованию и старательно отворачиваясь. Потому что, несмотря на то, что Сева ничего не понимал, плакать при нем казалось слабостью.

Да и плакала я уже, сколько можно?

Все эти четыре месяца, бесконечных, жутких четыре месяца, прошедших в плотном тумане ожидания, перемешанного со все ближе подступающей безнадежностью, я плакала. Правда, лишь по ночам, сжимаясь в комок на нашей большой супружеской кровати, бессильно стискивая пальцы в кулак, давя в себе всхлипы. Потому что боялась, что Сева услышит.

Почему-то мне казалось, что он, где-то в глубине своего, покалеченного какими-то недодаями мозга, все понимал, все слышал и рвался ко мне через искореженные нервные окончания.

И плакать при нем – означало проявлять слабость, хоронить его, еще живого...

Эля, навещая меня раз в неделю, никак не комментировала больше ситуацию, хотя постоянно пыталась находить все новые и новые адреса центров реабилитации, каких-то фондов... А затем – хосписов.

Тех самых, куда люди сдают безнадежно больных родственников. Доживать.

Она больше не говорила о том, что я – молодая, что у меня вся жизнь впереди, и надо принимать решение.

Эля видела результаты обследований Севы, я не скрывала ничего. И заключения врачей видела. И прогнозы...

Я была ей благодарна за помощь. И эту молчаливую поддержку. И за итоговое понимание и принятие ситуации.

Честно говоря, не знаю, что бы делала без нее.

Сева проглотил еще одну ложку каши, а потом отвернулся.

Я не стала настаивать, потому что большую часть того, что было в тарелке, он уже съел, перекармливать тоже было нельзя. Встала, унесла тарелку на кухню, вернулась, проверила состояние памперса, после уложила мужа поудобней, укрыла одеялом и включила мультфильмы на телевизор.

А сама пошла на кухню, прибраться и готовиться к завтрашним занятиям.

По дороге прихватила телефон, проверила баланс. Должен был прийти аванс, я очень на него рассчитывала, потому что запас памперсов подходил к концу, да и специальные мази от пролежней следовало прикупить.

На кухне, заварив себе чай покрепче, открыла ноутбук и в который раз принялась с безнадежностью в сердце изучать сайт медицинских товаров, а конкретно – специальный антипролежневый матрас. Конечно, идеально было бы кровать купить, очень хорошую предлагали, как раз для лежачих больных, чтоб облегчить уход за ними, но там даже со скидкой было совсем нереально... А вот матрас...

Еще раз проверила баланс в приложении банка.

Нет...

Черт, как все на грани, как все тонко.

А где тонко, там и рвется, как обычно...

Где же добыть лишние пятнадцать тысяч? У Эли занимать нельзя, и так должна ей. Коллеги тоже... Они и без того молодцы, так поддержали, собрали довольно крупную сумму, на которую мы с Севой смогли существовать два месяца после больницы, пока я по-новому обустроивала свою внезапно изменившуюся жизнь.

И начальство на работе пошло навстречу, без звука дав отпуск вне графика и отпускные вперед.

Да, мне определенно не на что жаловаться было.

Вот только отпуск закончился, я вышла на работу. На одну ставку, потому что Севу нельзя было оставлять дома одного надолго, а сиделку я не тянула финансово.

Начальство и сейчас пошло навстречу, хотя учителей в школе всегда не хватало, и до всего случившегося мои две прежние ставки не закрывали дыру в штатном расписании. А теперь я даже этого не могла себе позволить.

Вообще, за эти месяцы я прошла все стадии психологической травмы, от отрицания до принятия. И теперь, когда все более-менее устаканилось, пришло в относительную норму, если, конечно, то, что происходило, попадало под категорию нормы, я чувствовала себя как-то странно, словно мушка, застывшая в янтаре. День за днем одно и то же, одно и то же.

Врачи не давали хороших прогнозов, у Севы оказались затронуты какие-то участки головного мозга, которые влияли на все, которые и делали его личностью, моим Севой.

Тем Севой, что так любил меня, так помогал, поддерживал, всегда был опорой. Для которого не существовало никаких нерешаемых проблем!

Он, мой любимый человек, был где-то там, внутри этой ко всему безразличной оболочки, не желающей двигаться, есть самостоятельно, говорить, думать... Он все это мог делать, позвоночник не был поврежден, двигательные функции сохранились... Мог. Но не хотел. И врачи не обнадеживали на этот счет тоже.

Кроме всего прочего, Сева забыл, что такое туалет, а после того, как сняли гипс с обеих рук, отказался тренироваться и восстанавливать их активность.

Массажист от поликлиники, что приходил к нам раз в неделю, делал свое дело молча и уходил. Мужу не становилось лучше, а я не могла себе позволить другого массажиста, платного.

И без того денег едва хватало на самое необходимое.

Ипотека и коммуналка к потребностям не относились.

Я забирала счета, смотрела на все растущие цифры... И ничего не делала.

Муха в янтаре, да.

Когда-то это должно было закончиться. Чем-то.

Я не думала, отвечая на очередной настойчивый звонок с незнакомого номера, что это закончится так скоро. И так жутко.

– Арина Родионовна Леванская? – мужской голос был грубоват и вальяжен.

– Алина, – в миллионный раз в своей жизни поправила я невидимого собеседника. В том, что абсолютно все мое имя произносили неправильно, я давно уже привыкла и не могла никого винить. Гораздо проще было бы, если б родители в самом деле назвали меня Ариной, а не Алиной...

– Не важно, – оборвал мужчину, – ты – жена Леванского, так?

– Да, – кивнула я зачем-то, хотя никто не мог видеть моей жестикуляции. Обращение на «ты» покорило, но я почему-то не стала поправлять.

– Ты в курсе, что твой муж занял денег в нашей фирме?

– Денег? – я решила, что ослышалась, – какие деньги? Впервые слышу...

– Ну значит сюрприз тебе, неприятный. Он занял три ляма, под залог квартиры. И уже на три месяца просрочил платеж.

– Но я ничего про это не знаю... – я слышала свой жалкий лепет и понимала, насколько это глупо звучит.

– Теперь знаешь. – Глумился мужчина, – твой мужик приносил наличку, так что завтра ждем сто штук по адресу, который тебе скину сейчас. Если не причешишь, пойдут дополнительные проценты.

– Какие проценты? – у меня опять сел голос, предательски, это самое слабое место у учителя, постоянно подводящее в особо тревожные моменты, – о чем вы вообще? Что за вымогательство? Я ничего не знаю ни про какой долг, никаких документов я не видела...

– У мужика своего спроси, – все так же глумливо посоветовал мужчина.

– Сева болен, – почему-то начала пояснять я, хотя была уверена, что собеседник отлично знает о нашей беде, просто издевается, – они ничего не сможет сказать. Вам придется подождать, пока он придет в себя...

– Ага, до судебного дня, – хохотнул мужик, – нет уж, нянька Арина, деньги нужны раньше. И ты их принесешь. Иначе вылетишь из своей халупы на помойку. Да еще и проценты отработаешь.

– Прекратите в таком тоне разговаривать, – я все же пыталась держать удар, несмотря на то, что в голове от ужаса мутилось, – и шантажировать. Я в полицию пойду, ясно вам?

– Ну-ну... – изевательски поощрил мужик, – а после того, как из полиции поедешь, не забудь к нам завернуть. С баблом. Или мы сами к тебе приедем... И возьмем всем, чем сможешь дать. Поняла меня?

– Прекратите! – закричала я хрипло в трубку, но собеседник уже отключился.

Я оторопело слушала тишину в телефоне, а затем, подорвавшись, побежала в комнату, где лежал и смотрел смешариков Сева.

– Сева, – взволнованно позвала я его, – Сева, какой долг? Какие деньги ты взял? Сева? Сева!

Он даже не повернул ко мне головы, продолжая следить взглядом за цветными картинками на экране, и я, не выдержав, наклонилась и тряхнула его за плечи.

Муж не среагировал, только вытянул шею, потому что я перекрыла ему вид на телевизор.

Я встряхнула еще раз, затем отступила, потому что поняла, что еще секунда – и ударю его!

– Сева... – шептала я, сжимая кулаки, в ужасе от того, что могла бы сделать, смотрела на смятый ворот футболки мужа, ненавидя себя за это и в то же время не имея сил сдерживаться больше. Все, что так долго копилось внутри, весь ужас от беспросветной картины будущего, стресс от услышанного только что, все это вылилось в слезы и крик, больше похожий на стон. Тихий, беспомощный стон, – Сева... Скажи что-нибудь! Как ты мог, Сева? Как ты мог меня бросить?..

Это было неправильно, то, что я сделала, то, что я говорила, в чем обвиняла беззащитного сейчас человека. Неправильно.

И легче мне в итоге не стало.

Глава 4

В полиции со мной даже разговаривать никто не стал. Состав преступления нет, заявлять не о чем, я же живая и не побитая. А угрозы... Ну мало ли телефонных мошенников? Может, просто узнали, что я одна и в сложном положении, вот и начали атаковать.

Не следует обращать внимание, вот и все.

Я так и не смогла ничего добиться, и заявление мое не приняли и не зафиксировали жалобу.

Я даже растерялась от того, насколько равнодушными были люди, с которыми пришлось разговаривать.

Как-то в прежней моей жизни с полицией сталкиваться не приходилось, классного руководства у меня не было, слава богу, потому даже с отделом по делам несовершеннолетних не имела никакого дела.

И вот теперь была просто в невероятной растерянности.

На все мои попытки объяснить, что мне угрожали, что знают мой номер телефона, что, наверно, знают мой адрес... Все эти усталые мужчины в форме только лишь плечами пожимали и перекидывали меня из одного отдела в другой, пока в итоге я не добралась до нашего участкового.

И только он проявил хотя бы немного участия.

Напоил меня чаем, успокоил немного.

И пообещал пробить номер, с которого звонил шантажист, а еще зайти вечером, проверить, все ли у меня нормально.

Это все, что в данной ситуации он мог для меня сделать. И я даже за это проявленное участие была ему безумно благодарна.

Из отделения я вышла чуть успокоившейся, и, вместо того, чтоб быстрее идти домой, почему-то пошла по аллейке, наслаждаясь мерным похрустыванием снега.

Был канун Нового года, и парк, украшенный фонариками, пока еще не горящими, но все равно наряженными, смотрелся празднично.

Повсюду бегали дети, ходили тепло одетые люди, все в приподнятом настроении, какое бывает практически у каждого перед главным праздником в году. Удивительно, но даже став взрослыми, и давно уже зная, что Деда Мороза нет, что это все выдумки, да и самому празднику не так уж много лет, чтоб верить в чудеса, мы, тем не менее, продолжаем это делать.

Я шла, дыша морозным воздухом, и почему-то вспоминала, как мы в прошлом году с Севой наряжали елку. Смеялись, потому что никак гирлянда не хотела загораться, искали причину, а затем Сева, достав старенький паяльник и припой столетней давности, непонятно, каким образом вообще у него сохранившийся, сидел за кухонным столом и паял слабое место в гирлянде.

И да, можно было бы купить новую, в конце концов, сейчас полно недорогих и красивых вариантов, но эта старая гирлянда, доставшаяся Севе еще от его бабушки и бабушки, была очень дорога нам, да и интересно было своими руками что-то вернуть к жизни...

Я никогда в руках паяльник не держала и не знала за своим мужем таких талантов, потому смотрела во все глаза, как на чудо...

А Сева, поглядывая на меня искоса, прятал довольную усмешку и спокойно объяснял, как нужно правильно плавить припой, как паять, как держать потом спаянные детальки...

Ему, наверно, очень нравилось неприкрытое обожание в моих глазах...

А потом мы вешали починенную гирлянду на елку, радовались, что горит, долго целовались возле нее... И занимались любовью прямо на ковре, под украшенной, остро пахнущей

хвоей елкой, а гирлянда подмигивала разноцветными огнями... И не было на свете женщины, счастливее меня.

Я села на запорошенную снегом лавочку и зажмурилась, на мгновение представив себе, что нет этих четырех месяцев, нет этого нескончаемого ужаса... А есть просто Новый год, и я иду домой, прикидывая, чтоб бы такого интересного приготовить на праздничный стол, чем удивить мужа.

А он придет вечером, пахнувший холодом и чуть-чуть выхлопными газами, обнимет меня, поцелует сухими морозными губами... И мы снова будем наряжать елку... И, может, целоваться... И...

Щеки отчетливо онемели, и только когда их принялся кусать мороз, я поняла, что плачу. Просто плачу, запрокинув лицо к серому декабрьскому небу.

Мимо шли веселые люди, у каждого из них была своя жизнь, свои планы, елки, гирлянды, поцелуи, идеи для праздничного стола...

А у меня этого ничего не было уже. И не будет.

Только сейчас, сидя под мерно падающим, таким новогодним пушистым снегом и ощущая, как застывают на щеках горячие слезы, я со всей отчетливостью осознала, что не будет больше у меня никогда веселого ожидания праздника, пахнущего хвоей и мандаринами, мигающей гирлянды, холодных с мороза губ любимого человека. Ощущения покоя и безопасности. И огромных, безбрежных настоящего и будущего.

Как я, оказывается, счастлива была все это время!

Злясь на свою неблагодарную работу, на своих учеников, на начальство, бесконечно требующее невозможного, на гудящие по вечерам ноги, на маленькую зарплату, безденежье, отчаянные и бессмысленные попытки завести детей... Иногда на холодность мужа даже злясь! Я была все это время счастлива. И не осознавала этого!

И только потеряв, поняла...

Слезы текли по щекам, застывали тут же, потому что мороз был градусов десять, и щеки ощутимо кусал.

Надо было идти, дома ждал беспомощный, полностью зависящий от меня теперь уже до конца жизни человек... Он не виноват в том, что случилось. Никто не виноват, кроме тех тварей, что избili его. Их, кстати, не нашли до сих пор. И даже дело закрыли, о чем мне любезно прислали уведомление...

Какие-то подонки походя, неизвестно зачем, просто уничтожил мою, как оказалось, такую счастливую жизнь. Просто забрал у меня любимого человека, оставив от него лишь оболочку.

И я только теперь, кажется, до конца осознала это.

– Не плачьте, – кто-то сел рядом со мной, несмело дотронулся до ладоней, тоже заледневших уже, потому что перчатки я забыла дома еще с утра.

Я с трудом разлепила уже успевшие схватиться ледком от мороза ресницы и, поморгав, посмотрела на того, кто зачем-то нарушил мое горестное одиночество.

Женщина, пожилая женщина из тех, кого никогда, наверно, не назовут старушкой, слишком уж худа, острая какая-то, словно из одних углов состоящая: нос, подбородок, странного вида шляпка. И пальцы тонкие, лежащие на моих, тоже острые, с выступающими костяшками.

И взгляд. Острый.

– Простите, – она, поняв, что я уже пришла в себя, убрала ладонь с моей, улыбнулась тонкими подкрашенными губами, – я просто увидела, что вы сидите одна и плачете... Я понимаю, что вы меня, возможно, пошлете к черту... И будете правы, да... Столько раз зарекалась... Но вот ничего не могу с собой поделать. Не должен человек в канун Нового Года так плакать...

– Почему? – я вытерла слезы пальцами, попыталась дышать ртом, потому что нос полностью забился от слез, – какая разница, когда плакать? Если есть повод...

– У женщины всегда есть повод поплакать, милая, – вздохнула пожилая дама, – но лучше делать это в теплом месте... И, желательно, с теплым напитком, согревающим. Тогда как-то и слезы легче льются...

– А если нет возможности в теплом месте?

– Тогда лучше не плакать... Зачем делать это без удобств?

– Вас послушать, так слезы – это один из способов расслабиться, – пробормотала я, окончательно успокаиваясь и чувствуя себя неловко. В самом деле, разрыдалась тут, на лавочке, как бездомная какая-то...

– Конечно, – кивнула моя собеседница, – слезы – это расслабление. Они для того и нужны. Вы плачете и то, что внутри сжималось, отпускает. Потому и становится легче.

– Вы это так говорите... – я помолчала, подбирая слова к непонятному ощущению, появившемуся после слов незнакомки, – словно это неправильно. То, что отпускает. То, что становится легче.

– Иногда это вредно, – кивнула женщина, – иногда расслабляться совсем нельзя. Опасно.

– А жить как? – я сама не поняла, каким образом у меня вырвался этот вопрос, не вопрос даже, а словно посыл в пространство, в небо. Слезливая жалоба, попытка оправдать свою слабость. Я не с незнакомой женщиной сейчас говорила, а сама с собой больше, – как жить, если нет впереди ничего? Если только вот такое... Беспросветное... Все время в напряжении? А потом так же, в напряжении, в могилу? И вообще... Разве это жизнь?

– Все жизнь, – спокойно ответила женщина, – все, что вокруг нас и все, что в нас – жизнь. Просто бывает так, что время застывает, и кажется, будет и не живешь. И впереди нет ничего... А впереди всегда что-то есть, милая. И иногда расслабиться не вовремя, пожалеть себя, позволить себе побыть слабой – это ошибка спортсмена перед самым финишем...

– Демагогия, – усмехнулась я, контрольно вытирая щеки и ощущая, что нет уже на них влаги. И внутри как-то пусто и спокойно все.

– Все демагогия, – согласно вздохнула женщина, – если посудить...

– Считаете, нельзя расслабляться? – почему-то уточнила я, хотя и без того посыл был понятен.

– Считаю, что надо всегда быть в движении, милая, – ответила женщина, – потому что жизнь сама – суть движение. И если она хоть на мгновение замедлится, то наступит смерть. Нам стоит поучиться у нее этому. И как знать, что вас ждет за поворотом... Возможно, что-то новое, то, что даст вам силы для дальнейшей борьбы.

Я задумалась о том, что ждет меня за поворотом, кроме постоянно нарастающего вороха проблем и полной беспросветности. Вот к этому двигаться? Вот это называть жизнью?

Повернулась к собеседнице, чтоб продолжить бессмысленную, в общем-то, беседу, и замерла в удивлении.

Рядом со мной на скамейке никого не было.

И в алее, с одной и с другой стороны лавочки, тоже никого.

Более того, снег, засыпавший сиденье лавки рядом со мной, сиденье, на котором ни одного следа не было, ни одного свидетельства, что тут кто-то сидел только что, явно намекал на то, что с головой у меня не порядок.

Я моргнула, удивляясь, но как-то не особенно сильно, вяловато. В конце концов, этого стоило ожидать, да?

Не представляю, как живут люди, у которых постоянно рядом больной, беспомощный, ничего не понимающий человек, за которого они несут ответственность, который полностью зависит от них, и нет никакой надежды на выздоровление. На счастливый исход дела. Где эти люди берут силы? Как умудряются не сойти с ума? Я вот сошла, похоже...

Глава 5

– Все хорошо, Алиша, не переживай, – соседка, тетя Саша, пару раз выручавшая меня с Севой, улыбнулась сочувственно и пошла к двери, бормоча по пути привычное «ох, горет какое...».

Я проводила ее, с облегчением закрыла дверь.

Вот именно из-за этого немного показного сочувствия, вопросов, ненужных причитаний, я и не хотела никакой помощи от знакомых. Да и не предлагал никто особо. Одна тетя Саша за небольшие деньги сидела с Севой. И то, сидела на кухне, в комнату лишней раз не совалась, просто присматривая, чтоб не сделал ничего случайно. А то мало ли... Чисто технически, вставать-то он мог. Вот только не вставал.

Я прошла в комнату, посмотрела на Севу, уставившегося в экран на очередные яркие картинки.

– Привет, милый, – поздоровалась, стараясь сохранить веселый настрой и приветливость в голосе, – как ты тут? Скучал? Я скучала вот... Представляешь, сегодня в парке привидение увидела...

Я ходила по комнате, переодевалась, открывала-закрывала шкаф, закалывала волосы, что-то еще делала, такое же повседневное, привычное. И разговаривала, постоянно разговаривала с Севой.

Смотрела на него периодически, уже без той, первоначальной жадности, когда еще надеялась, что мой голос способен пробудить от сна моего любимого.

Эля говорила, что это глупо, что я таким образом лишь сильнее погружаюсь в тягучую беспросветность, что пора бы уже...

Но я не представляла себе, как можно просто выполнять свои обязанности, ухаживать за ним, неподвижно лежащим, не реагирующим ни на что. Как можно не говорить с ним. Он же... Он же живой. Он – мой Сева.

Тот самый парень, что когда-то в университете вызвал меня с пары и подарил огромный букет роз. Просто так, без повода. И я умирала от счастья, и эти метровые розы вообще не казались тяжелыми.

То самый мужчина, что так напряженно, волнением смотрел в ЗАГСе, когда я говорила «да». А мне было смешно его волнение. Неужели он боялся, что я «нет» отвечу?

Мой самый лучший, мой единственный. Первый и последний. Как можно относиться к нему, словно к неодушевленному предмету?

Как можно бросить?

Он бы не бросил.

Я что-то говорила, многословно и весело, пересказывая Севе дурацкую историю со старушкой, которая то ли была, то ли не было ее, потом делилась впечатлениями от похода в полицию, потом рассуждала, что надо приготовить перекусить.

Мой веселый голос звучал странно в тиши нашей двушки, словно я сумасшедшая и сама с собой разговаривала.

А может, так оно и было...

Я настолько привыкла к этому своему натужно-веселому щебетанию, что неожиданный звонок в дверь показался громом небесным.

Я замерла, словно куропатка перед охотничьей собакой, глупо прижала руки к груди.

Почему-то стало страшно до жути, даже в пот бросило.

Я повернулась к Севе, на автомате, по инерции, привыкнув за годы замужества, что у меня есть защитник, с которым все нипочем. Который сейчас просто пойдет и откроет дверь. И заслонит меня от всех опасностей.

Сева никак не отреагировал на громкий звук, он вообще на звуки не реагировал. Тишина, наступившая после звонка, ударила по ушам, я стояла и пыталась поймать взгляд мужа. Зачем-то. А он смотрел в экран, где кот Том в очередной раз неудачно догонял мышку Джерри.

Звонок раздался снова, и опять как-то очень громко, жутко прозвучав в могильной тиши нашей квартиры. Я повернулась к двери, потом снова почему-то к Севе. Ждала. Чего?

Бог его знает...

Когда звонок прозвучал в третий раз, а после к нему добавились еще и удары по двери, я решила и тихонько пошла ко входу.

Аккуратно, стараясь не скрипеть полом, прокралась по узкой прихожей и заглянула в глазок.

Темный.

Совсем темный.

Словно там, с той стороны, кто-то его закрыл, залепил чем-то.

Пока я обливалась холодным потом, стараясь не дышать лишней раз, звонок начал сигналить беспрерывно, а дверь буквально затряслась от диких ударов.

Я съжилась в прихожей, боясь двинуться, закрыла глаза и принялась тихонько молиться про себя, чтоб те, кто стоял сейчас за дверью, ушли.

Пусть они уйдут, пусть уйдут, пусть... Меня нет дома. Никого нет дома. Варианта открывать дверь настолько наглым посетителям, я не рассматривала.

Звонок звенел, сверху на меня сыпалась труха из-за расшатываемого жуткими ударами косяка, и без того не особенно укрепленного.

Я поняла, что еще чуть-чуть, и мне просто выломают дверь!

И все равно шевельнуться не могла!

Там, снаружи, было что-то ужасное, настолько дикое и неконтролируемое, что я буквально в ступор впала! Моя жизнь, и без того безвозвратно поменявшаяся, сейчас подверглась очередному, наверно, уже окончательному разрушению извне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.